

18+

Ник Хард

ОДИН ВЗГЛЯД – ВСЯ
ЖИЗНЬ

Ник Хард

Один взгляд – вся жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72327064

ISBN 9785006776470

Аннотация

С детства он любил её, но она видела в нём лишь друга, отклоняя его признания. Он страдал, пока она вышла замуж за другого. Когда её брак рухнул из-за измены, он был рядом. Только тогда она, наконец, разглядела и полюбила его. История о долгом пути к счастью, где самая верная любовь обретает семью и детей.

Содержание

Плейлист	5
Пролог	6
Часть I: Начало одержимости	8
Глава 1: Девочка с Веснушками	9
Новогодняя Печаль	12
Глава 2: Неловкое Признание	14
Глава 3: Даша	20
Глава 4: Тюрьма Дружбы	23
Глава 5: Разделенные Миры, Единое Сердце	29
Часть II: Эхо ее присутствия	36
Глава 6: Эхо Пустоты и Призраки Прошлого	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Один взгляд – вся жизнь

Ник Хард

© Ник Хард, 2025

ISBN 978-5-0067-7647-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плейлист

- « На заре – Баста»
- «I Love It» (feat. Charli XCX)
- «Кухни – Бонд с кнопкой»
- «Одиноко – Егор Крид»
- «Rock That Body— The Black Eyed Peas»
- «Or Nah – The weeknd»
- «Lovely – Billie Eilish & Khalid»
- «friends – chase Atlantic»
- «Яд – Эрика Лундмоен»
- 10.«Sweater Weather – The Neighbourhood»

Пролог

Говорят, жизнь – это череда встреч и расставаний, бесконечный танец судеб, где каждая мелодия находит свой отклик. Моя же оказалась иной. Моя жизнь была одной-единственной бесконечной встречей, растянувшейся на десятилетия, встречей с образом, с улыбкой, с эхом имени, которое навсегда запечатлелось в самой глубине сердца.

Она пришла в мой мир незаметно, как первый робкий луч солнца сквозь утреннюю дымку, и с тех пор каждый мой вздох, каждый шаг, каждая мечта были пронизаны её незримым присутствием. Я любил её с тех пор, как мог себя помнить, любил сквозь смех и слёзы, сквозь долгие разлуки и случайные, мимолётные встречи. Любил сквозь чужие объятия и непрожитые мгновения, которые так отчаянно могли бы быть нашими.

Эта книга – не просто история о неразделённой любви, хотя и она присутствует в каждой строчке, подобно невидимому пульсу. Это повествование о пути, который выбрало моё сердце, о надежде, что отказывалась умирать даже тогда, когда весь мир шептал о безысходности. Это мой рассказ о том, как одна женщина, возможно, никогда не зная всей глубины моих чувств, стала центром моей вселенной, её непостижимым гравита-

ционным центром.

И вот, когда годы спрессовались в вереницу воспоминаний, а горизонт жизни сужается, я оглядываюсь назад. Был ли я счастлив? Возможно. Был ли я любим так же, как любил? Это вопрос, ответ на который я искал всю свою жизнь, и эта история – попытка ответить на него, для себя, и, может быть, для вас.

Часть I: Начало одержимости

Аня

*Сквозь детский смех, сквозь школьный шум,
Когда твой смех раздался вдруг,
Весь мир мой словно стал другим,
И сердце сделало свой круг.*

*Твой волос, золотом струящий,
На плечи нежно так упал.
И россыпь веснушек, горящий
На коже, сердце мне забрал.*

*Я был тогда совсем мальчишка,
Но понял – это навсегда.
Моя негласная книжка
С тобой писалась, как звезда.
И с той поры, хоть годы мчатся,
Твой образ – мой незримый гид.
В нём юность, нежность, все богатства,
Что сердце трепетно хранит.*

Глава 1: Девочка с Веснушками

«Она вошла в мою жизнь неожиданным солнцем, и я понял: мир никогда не будет прежним.»

Детство для меня, Кая, до этого момента было вереницей серых дней и скучных уроков, расчерченных по линейке родительских надежд и школьных обязательств. Я не любил перемены, не любил новых лиц, и меньше всего мне хотелось менять школу посреди учебного года. Но обстоятельства сложились иначе, и вот, в середине третьего класса, меня перевели из 3 «Д» в совершенно новый для меня 3 «Г». Мне было восемь, и мир казался большой, враждебной коробкой, полной незнакомцев. Я и не подозревал, что именно там, среди скрипа старых парт и шёпота одноклассников, моя жизнь изменится навсегда.

Утро того понедельника начиналось скверно. Новый рюкзак давил на плечи, а тревога сжимала горло. Мама втокнула меня в кабинет директора, оттуда – к завучу, а затем к учительнице, Татьяне Викторовне, женищине с неизменно строгим лицом и пучком на затылке. Я плелся за ней по длинному коридору, вдыхая запах старой штукатурки и школьной еды, пока мы не остановились у двери с табличкой «3 „Г“».

«Заходи, Кай, – велела Татьяна Викторовна, приоткрывая дверь. – Представься ребятам.»

Я неуклюже вошел в класс. Тридцать пар глаз уставились на меня, любопытные, равнодушные, или откровенно скучающие. Воздух был наполнен запахом пыли, мела и чего-то неуловимого, что всегда витает в классных комнатах. Я сжал лямки рюкзака, чувствуя, как краснеют уши.

«Ребята, – объявила Татьяна Викторовна, – к нам пришел новый ученик, Кай. Пожалуйста, будьте к нему добры. Кай, садись...»

В этот момент, когда она искала свободное место, мой взгляд упал на неё. Она сидела у окна, и утреннее солнце, проникая сквозь чистое стекло, падало прямо на её лицо. Светлые волосы, собранные в две неаккуратные косички, чуть растрепались, а на носу и щеках, словно брызги золотой пыли, рассыпалась целая россыпь веснушек. Глаза её были необыкновенно живыми, цвета молодой листвы после дождя, и они с любопытством смотрели прямо на меня. Не насмешливо, не равнодушно – именно с любопытством, которое тут же приковало моё внимание.

Она улыбнулась. Открыто, беззаботно, будто мы были старыми друзьями, а не двумя незнакомыми детьми, которых только что свела школьная судьба. Сердце моё, до этого момента сжатое от волнения, вдруг сделало странный кульбит.

Мир, до этого казавшийся серым и враждебным, на секунду вспыхнул яркими красками, повернулся вокруг своей оси и стал вращаться исключительно вокруг этой малень-

кой фигурки у окна.

«Кай, садись на третью парту во втором ряду, к Ане», – услышал я голос Татьяны Викторовны, и эти слова прозвучали как приговор, и как благословение одновременно.

Я медленно пошел к указанному месту, чувствуя, как каждый шаг отдается эхом в голове. Она чуть подвинулась, освобождая мне место. Её тонкие пальцы лежали на учебнике по чтению. От неё пахло чем-то неуловимым, чуть сладковатым, похожим на лето. Я сел, не решаясь поднять взгляд, но чувствовал её присутствие рядом, яркое и тёплое.

«Привет, – прошептала она, её голос был похож на звон маленьких колокольчиков. – Меня зовут Аня. Приятно познакомиться».

Я поднял глаза. Её веснушки словно засияли ярче в лучах солнца. «Кай», – еле слышно ответил я, чувствуя, как краснеют щеки. В тот момент я еще не знал, что эта девочка, Аня с веснушками, станет моей путеводной звездой, моим наваждением, моей вечной надеждой и моим смыслом на всю жизнь. И что путь к ней окажется самым долгим и мучительным путешествием, которое я когда-либо совершу.

Новогодняя Печаль

*Снежинки падали, кружась,
Под бой часов, под звон бокалов,
И я, надеждою горя,
Решился: «Сердце закричало!»
В тот миг волшебный, среди огней,
Я взгляд поймал, в нём было столько...
Наивной веры и огней,
Что знал: сейчас – или потом так
Не будет смелости, той дрожи,
Чтоб выдать тайну прошлых лет.
«Я так люблю тебя, до дрожи...» —
И ждал единственный ответ.
Но взгляд твой дружеский, родной,
Вдруг стал холодным, как стекло.
«Ты мне ведь друг, ты лучший мой!» —
Как будто ток меня пронзило.
И мир мой рухнул, свет погас,
Вся сказка, что лелеял я,
В один короткий, злой тот час
Рассыпалась, любовь моя.
И я тогда решил: молчать.
Не выдать боли ни на грош.
Всю нежность сердца запечатать,*

*Запрятать в дружбы этой ложь.
Так началась моя тюрьма,
Из нежных чувств сплетённых прутьев.
Друг – это страшная клейма,
Когда ты любишь – без прилюдий.*

Глава 2: Неловкое Признание

«В каждом неловком признании таится не только страх, но и величайшая смелость – обнажить душу, не зная, примут ли её.»

Годы после третьего класса пролетели незаметно, оставляя за собой шлейф смеха на переменках, общих домашних заданий и бесконечных разговоров после уроков. Аня и я стали неразлучны. Она была моей тенью, моим светом, моим центром притяжения. Мы сидели за одной партой, делили обеды, обсуждали новые фильмы, читали книги по очереди и вместе переживали школьные неурядицы. Для всех остальных мы были «Кай и Аня», просто друзья, крепкая парочка, которая всегда держится вместе. Для неё я, кажется, был именно тем – лучшим другом, к которому можно обратиться за советом, утешением или просто посмеяться. Для меня же всё было иначе.

Детская влюблённость не угасла, она лишь трансформировалась, мутировала во что-то более глубокое и болезненное. Чем старше мы становились, тем сильнее росло это чувство, подобно упрямому сорняку, прорастающему сквозь камни. Когда Аня смеялась, моё сердце отзывалось теплом. Когда она грустила, я готов был перевернуть мир, лишь бы увидеть её улыбку. Её веснушки, что когда-то были лишь милой особенностью, теперь казались мне созвездием, нане-

сённым на её кожу самим Богом. И её светлые волосы, которые она теперь отпускала длиннее, всегда пахли свежестью и чем-то неумовимо «её».

Моим единственным доверенным лицом в этих метаниях была Даша. Даша, моя подруга с третьего класса, была полной противоположностью Ани – с каштановыми волосами, пронизательным взглядом и характером, который мог быть то весёлым и остроумным, то неожиданно задумчивым и грустным. Она всегда видела меня насквозь. «Опять Аня?» – спрашивала она, едва я появлялся с пониженным видом, и в её голосе не было осуждения, лишь усталое понимание. Я рассказывал ей всё: свои надежды, свои страхи, свои наблюдения за Аней, каждый её смех, каждый взгляд, обращённый к кому-то другому. Даша слушала, иногда вздыхала, иногда подталкивала к действиям, но чаще просто молчаливо разделяла мою боль.

Моя первая попытка признаться, или, по крайней мере, дать понять, что я чувствую, была ещё в четвёртом классе. Я был слишком мал и слишком труслив, чтобы сказать это вслух. Вместо этого, я нашёл на улице необычный, гладкий, почти идеально круглый серый камень. Он показался мне особенным. Я провёл несколько дней, мучительно выписывая на маленьком листке бумаги слова: «Ты очень красивая. Мне очень-очень нравишься. Может быть, мы будем вместе, когда вырастем?» Я не подписал его, в надежде, что она как-нибудь поймёт, что это от меня, или, по крайней

мере, не будет смеяться над тем, кто это написал.

На следующей перемене я, дрожащими руками, подложил камень и записку в её пенал, пока Аня отвлеклась на разговор с одноклассницей. Я сидел за партой, ожидая чуда. Чуда не произошло. После уроков я увидел, как Аня вышла из класса с какой-то другой девочкой, и они что-то рассматривали, хихикая. Они держали в руках мою записку. А потом я увидел, как Аня, небрежно бросив камень, который я так тщательно выбирал, на асфальт, случайно наступила на него ногой. Он раскололся надвое.

Моё сердце, кажется, тоже раскололось в тот момент. Это был знак, я был уверен. Я спрятался за кустом сирени, пока они ушли. Потом подошёл, поднял обломки. Камень был разбит. Моё молчаливое признание было отвергнуто так же безжалостно и небрежно. В тот день я решил, что никогда больше не буду признаваться вслух. Я буду просто рядом, буду наблюдать, любить со стороны, быть её лучшим другом. Это было безопаснее. Это было... единственным, что у меня было.

Прошли годы. Наши разговоры с Дашей наполнились моими горькими наблюдениями: кто опять посмотрел на Аню, кто пытался за ней ухаживать, как Аня смеялась над чьи-то шутками. Она стала настоящей красавицей – грациозной, с той же солнечной улыбкой, но уже более уверенной, взрослой. Парни роились вокруг неё, как пчёлы вокруг цветка. И я чувствовал, как этот невыносимый статус «лучше-

го друга» сковывает меня.

Вторая попытка, более отчаянная и глупая, случилась на Новый год, когда мы были в восьмом классе. Один из наших одноклассников устроил вечеринку у себя дома, пока его родители были на даче. Была громкая музыка, дурацкие танцы и... впервые в моей жизни, немного алкоголя. Пару глотков вина, которые мне удалось незаметно отхлебнуть, сделали меня смелее, чем я когда-либо был. Или глупее.

Аня сидела в углу, разговаривая с девчонками, её светлые волосы красиво падали на плечи. Я чувствовал, как вино медленно развязывает мне язык и ослабляет железный обруч страха, что так долго сжимал мою грудь. Это мой шанс. Прямо сейчас. Пока я не протрезвел, пока не испугался снова.

Я подошёл, осторожно потянул её за рукав. «Ань, пойдём, поговорим». Она вопросительно посмотрела на меня, но послушно пошла за мной в коридор, где было потише. В её глазах мелькнуло что-то – может быть, удивление от моей решительности, а может, просто недоумение.

«Ань, я... я больше не могу молчать, – слова вылетали сбивчиво, но искренне. – Я люблю тебя. Очень. С самого-самого первого дня, как ты пришла в наш класс. Я всегда тебя любил».

Её глаза расширились. Она выглядела шокированной. На её лице промелькнули десятки эмоций – удивление, неловкость, а потом... сочувствие. Вот это «сочувствие» убило

меня наповал.

«Кай, – начала она, и её голос был мягким, но твёрдым, – Кай, я... Я не знала. Но ты же знаешь... мне нравится другой». Она произнесла это так просто, так обыденно, будто говорила о погоде. Для неё это было просто констатацией факта, для меня – приговором.

Мир вокруг меня поплыл. Музыка из соседней комнаты внезапно стала оглушительной, цвета потускнели. Она любит другого. Конечно. Почему я вообще подумал, что это может быть иначе? Почему эта глупая надежда всегда теплилась во мне?

Я попытался улыбнуться. Неуклюже, дрожащими губами. «А... а кто?» – спросил я, лишь бы заполнить невыносимую тишину.

Она назвала имя – имя парня из старшего класса, модного, самоуверенного, такого, на кого я никогда не был похож. Все знали, что он ей нравится. Все, кроме, видимо, меня самого, который предпочитал жить в своих иллюзиях.

«Понятно, – выдавил я. – Ну... ладно. Тогда... с Новым годом, Ань». Я поспешил обратно в общую комнату, стараясь не смотреть ей в глаза, чувствуя, как моё лицо горит от стыда и разочарования. Вино, казалось, испарилось из моей крови, оставив после себя лишь горький осадок.

Всю оставшуюся ночь я провёл, притворяясь, что мне весело, наблюдая, как Аня танцует и смеется. Каждый её смех, каждый её взгляд в сторону того парня, были для меня

ударом. Даша, увидев моё состояние, просто подошла и молча положила руку мне на плечо. Она всё поняла без слов, её обычно весёлое лицо теперь было серьёзным и задумчивым.

В тот момент я снова решил. Хватит попыток. Хватит унижений. Я буду её лучшим другом. Буду рядом, буду защищать её, помогать, слушать. Но никогда больше не буду показывать, что для меня она значит нечто большее. Это было моё наказание. Мой выбор. Моя тюрьма. И моя единственная надежда.

Глава 3: Даша

«Она была роднее, чем моя любовь»

Моя лучшая подруга Даша была с каштановыми волосами, пронзительным взглядом и характером, который мог быть то весёлым и остроумным, то неожиданно задумчивым и грустным. Глаза у нее карие, как цвет мечта. Семья у нее была не полная – только мама. Папы не стало когда ей было всего десять лет. В младших классах она была очень скромная и застенчивая. Мы были знакомы с первого класса, но общаться начали с третьего, так как нас перевели в один класс.

Мы с Дашей не сразу начали дружить. По – настоящему мы сдружились после первого буллинга в нашу сторону, так как мы новенькие и нас никто не ставил в приоритет. Только если в приоритет – для буллинга.

Первый буллинг в нашу сторону произошел неожиданно, когда Даша проигнорировала учителя и не вышла к доске, за что учитель наказал весь класс. После уроков к Даше подошли девочки из нашего класса и пытались всячески оскорбить ее. Даша пыталась сдержаться, но слезы шли сами по себе. Она собрала вещи и убежала в сторону дома. Мне стало ее очень жалко, ведь я еще не столкнулся с такими оскорблениями. Догнав ее я попытался с ней поговорить.

«Даша постой..» – крикнул я, пытаясь ее догнать.

«Нет, не пытайся меня догнать, пожалуйста...» – сказала Даша со слезами на глазах и очень измученным видом.

Но я был упертый поэтому я ее догнал, очень повезло, что мы были возле магазина, а на улице было жарко, и я решил сходить и купить ей мороженое.

«Это тебе..» – сказал я протягивая ей мороженое.

«Спасибо, но не надо было...» – сказала Даша с мокрыми глазами, пытаясь убрать слезы.

«Не обращай на них внимания, давай я буду с тобой дружить...?» – спросил я.

«А ты не будешь, так же меня обзывать...?» – спросила Даша вопросом на вопрос.

«Не буду конечно...» – ответил я ей с улыбкой.

«Тогда давай дружить...» – сказала Даша с надеждой в душе.

С того момента мы с ней были не разлей вода. Наша дружба – это пример для тех, кто говорит, что мужской и женской дружбы попросту не существует.

Мой первый буллинг произошел, когда мы с Дашей сидели и общались, тогда пацанам из нашего класса – это не понравилось. Они подошли ближе к нам. Их было трое. Один ходил на занятия по боксу. Другой был уличный гопник. А третий просто толстый жлоб, в поддержку пацанам, чтобы попонтоваться.

«Эй новенький, че с девочкой дружишь?» – спросил тот самый толстый жлоб.

«Ну да, а что такого..?» – ответил ему я и с удивлением думал, в чем проблема?

«Сейчас мы будем тебя наказывать за это!» – сказали они и с размаху кулаком ударят мне по лицу. Я отлетаю назад и от боли начинаю плакать. Мой плач услышали все мои одноклассники, и начали смеяться. А вместе с этим подошла наша учительница и вызвала меня и того самого одноклассника к директору. Я туда не пошел, я собрал вещи и просто вышел со школы. Конечно вместе со мной и пошла Даша.

«Кай, болит, сильно...?» -спросила Даша с полным сожалением.

«Очень болит, я больше не пойду в эту школу...» – сказал я слезами на глазах.

«Давай я тебе мороженое куплю и приложим к твоему ушибу..» – сказала Даша и побежала покупать мороженое.

Она быстро вернулась с магазина, протянула мне мороженое, и я приложил его к моему ушибу. Я был очень благодарен за такую заботу. Я почти неделю после происшествия не приходил в школу.

Все эти события нас очень сильно сблизили. Мы стали словно брат и сестра. Обсуждая всех и вся. В том числе про Аню.

Глава 4: Тюрьма Дружбы

«Тюрьма дружбы – это место, где ты остаешься, потому что не можешь причинить боль тому, кого когда-то любил, даже если это причиняет боль тебе самому.»

После той новогодней ночи в восьмом классе я запер свои чувства глубоко внутри. Снаружи всё осталось по-прежнему: Кай и Аня, лучшие друзья, неразлучные спутники, смеющиеся над одними и теми же шутками, поддерживающие друг друга в трудные минуты. Но внутри меня что-то изменилось. Словно я построил вокруг своего сердца неприступную крепость, за высокими стенами которой бушевал неукротимый пожар. Стены эти были сложены из обещаний себе, что больше никаких признаний, никаких неловких моментов. Только дружба. Только безопасность. Это была моя тюрьма, и я сам же заперся в ней.

Годы шли, и я менялся. Из неловкого мальчишки я превращался в парня. Вырос до метра восьмидесяти, мои плечи расширились, а зеленоватые, с оттенком серого, глаза стали более пронзительными. Я возмужал, черты лица стали резче, взгляд – твёрже, обретая некоторую суровость, которую я ошибочно принимал за «брутальность», пытаюсь соответствовать выдуманному мной идеалу. Мне казалось, что эта новая, более мужественная внешность сделает ме-

ня более привлекательным для Ани. По её же словам, мой рост был для неё «идеальным», но в контексте нашей дружбы это звучало как насмешка. Всё это не имело никакого значения, когда речь шла о нас. Она видела во мне лишь друга, и никакой рост или взгляд не могли это изменить.

Переход в старшую школу – девятый, десятый, одиннадцатый классы – стал для меня периодом постоянной, но невысказанной пытки. Мы продолжали сидеть вместе, наши тетрадки по физике и математике покрывались общими каракулями, мы вместе пропускали особо скучные уроки, прячась в библиотеке. Аня по-прежнему доверяла мне свои секреты, рассказывала о своих мечтах, о переживаниях по поводу контрольных, о первых серьёзных симпатиях. И это было самым болезненным.

Мне приходилось выслушивать её рассказы о других парнях. В старшей школе мальчики стали уже совсем другими – рослыми, уверенными в себе, не стесняющимися своих чувств. Они открыто восхищались Аней, её светлыми волосами, её смехом, её веснушками, которые казались теперь ещё более очаровательными на чуть вытянутом, ставшем более женственным лице. Когда Аня в десятом классе впервые влюбилась по-настоящему, в высокого, спортивного парня из параллельного класса, Игоря, я чувствовал, как меня разрывает на части. Игорь был на голову выше меня, с густой волной чёрных волос, уверенной походкой и той лёгкой, обаятельной улыбкой, которая, казалось, действовала

на всех девчонок. Он был душой компании, лидером в спорте, и ему всегда хватало смелости брать то, что он хотел. Она приходила ко мне, сияющая, рассказывала о свиданиях, о комплиментах, о первом поцелуе. Каждый раз, когда она произносила его имя, в моей груди сжимался невидимый кулак. Я кивал, улыбался, давал «дружеские» советы, а внутри меня всё кричало от боли и ревности. Это было так трудно – смотреть на неё, такую счастливую, и понимать, что причина её счастья – это кто-то другой.

Даша была моим безмолвным соучастником в этой муке. Мы часто сидели после уроков на скамейке у школы, или пили чай в каком-нибудь кафе. Я мог просто молчать, а она, с её каштановыми волосами, спадающими на плечи, понимала всё без слов. Её характер, обычно такой живой и весёлый, в эти моменты становился задумчивым, иногда даже грустным. Она видела мою боль, и я это знал.

«Ну что, опять он?» – тихо спрашивала она, когда я в очередной раз рассказывал про очередного ухажера Ани.

Я только вздыхал.

«Кай, ну доколе?» – однажды спросила она, её голос был полон одновременно сочувствия и раздражения. – «Ты же себя так изводишь! Поговори с ней ещё раз. Ну или... или отпусти».

«Как я могу отпустить, Даша? – отвечал я, чувствуя себя загнанным в угол. – Она – это всё, что у меня есть. Даже если это просто дружба. А если я скажу, то и этого

не останется. Потерять её совсем – вот что страшно».

Даша лишь качала головой, иногда грустно улыбаясь. Она знала, что я застрял в ловушке, которую сам себе устроил. Для неё это, наверное, выглядело как мазохизм, но для меня это была единственная возможная форма существования рядом с Аней. Я был её рыцарем без доспехов, её тенью, её подушкой для слёз, её самым верным поклонником. Я был тем, кто всегда был рядом, когда остальные уходили. И я ценил даже это.

С каждым месяцем приближался выпускной. Конец школы. Свобода. И неизвестность. Все вокруг обсуждали университеты, будущие профессии, планы на самостоятельную жизнь. Аня, полная энтузиазма, делилась своими мыслями о поступлении в хореографическое училище. Она идеально танцевала с самого детства, и её мечта была не просто танцевать самой, а стать хореографом и учить этому волшебству детей. Я, как всегда, слушал, стараясь не выдавать своего страха. Я же, несмотря на все свои метания, давно решил, что поступлю в мореходное училище. Мне казалось, что это должно сделать меня ещё более сильным, ещё более «мужским» в её глазах, и, возможно, отвлечёт меня от этой безнадежной любви.

Мы подали документы в разные ВУЗы, что было очевидно, учитывая наши разные интересы. Аня готовилась к вступительным экзаменам по танцам, я зубрил физику и математику. Дни стали короче, напряжённее. Каждое на-

ше совместное мгновение – последний раз, когда я помогаю ей с алгеброй, последний раз, когда мы сидим на одной парте, последний раз, когда я вижу её светлые волосы, освещённые школьным солнцем.

На выпускном вечере Аня была просто ослепительна. Её платье цвета морской волны подчёркивало глаза, а веснушки на слегка загорелой коже выглядели ещё ярче. Она танцевала с одноклассниками, со своими друзьями, с Игорем. Я стоял в стороне, наблюдая за ней, чувствуя привычную смесь гордости и невыносимой тоски. Это был конец одной эпохи.

В какой-то момент, когда музыка стихла, и Аня стояла неподалеку, я решился. «Ань, – позвал я, – можно с тобой сфотографироваться? На память о школе».

Она обернулась, её улыбка была легкой и дружеской. «Конечно, Кай! Почему нет?»

Мы встали рядом, она приобняла меня за талию, и я почувствовал её лёгкий, цветочный аромат. Я постарался улыбнуться как можно естественнее, глядя в камеру телефона кого-то из одноклассников, но внутренне я просто хотел запомнить этот момент навсегда.

Позже, дома, я распечатал эту фотографию. На ней мы выглядели как самые счастливые и самые обычные друзья. Я повесил её на стену напротив своей кровати. Каждую ночь, перед сном, я смотрел на неё, на её светлые волосы и солнечные веснушки, на ту искреннюю улыбку, ко-

торая предназначалась для «лучшего друга». И мои зелено-вато-серые глаза смотрели на неё с тоской и любовью, которая никогда не будет взаимной. Я понимал, что впереди меня ждёт ещё одно, возможно, самое страшное испытание – жизнь без неё рядом, жизнь, в которой я буду учиться на морехода, а она – на хореографа.

Я не знал, как с этим справиться, но знал одно: я всё равно буду продолжать любить её. Всегда. Независимо от того, будет ли она знать об этом. Моя тюрьма дружбы была крепче, чем когда-либо.

Глава 5: Разделенные Миры, Единое Сердце

«Их миры расходились, как пути звезд в разных галактиках, но каждое биение их сердец отзывалось эхом в другом, доказывая, что истинная связь не знает расстояний, а лишь объединяет.»

Выпускной вечер был последним аккордом в симфонии нашей школьной жизни. Он закончился рассветом, холодным ветром и неизбежной пустотой. Прощальные объятия, скомканные обещания «звонить каждый день», «приезжать на выходные» – всё это казалось таким хрупким и ненадежным. Когда Аня, сияющая в своём платье цвета морской волны, растворилась в толпе выпускников, уезжающих на автобусах по домам, я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Я остался стоять один, высокий, с плечами, ставшими шире, и зеленовато-серыми глазами, скрывающими бурю. На душе было холодно, несмотря на наступающее июньское утро. Она уехала, и мир, который до этого вращался вокруг её солнечных веснушек и светлых волос, вдруг замер.

Следующие несколько месяцев стали самым странным периодом в моей жизни. Мы с Аней поступили в совершенно разные миры. Я отправился в мореходное училище,

она – в хореографическое. Мои дни наполнились жёсткой дисциплиной, строгим распорядком, бесчисленными лекциями по навигации, корабельным системам и морскому праву. Подъём в шесть утра, изнурительные физические тренировки, пробежки, отжимания, полоса препятствий. Я учился преодолевать себя, боль в мышцах, усталость. Моё тело становилось ещё более крепким, движения – отточенными, взгляд – сосредоточенным. Мне казалось, что эта суровость и выносливость, которые я в себе воспитывал, должны были сделать меня идеальным в её глазах, создать тот образ «брутального мужчины», о котором я когда-то мечтал. Это была извращённая, болезненная мотивация: каждый отработанный удар, каждый пройденный километр – всё для неё, для той, которая, возможно, даже не знала о моих усилиях. Я хотел быть тем, кто сможет защитить её, тем, кто будет достоин её. Но внутри, под всей этой показной силой, я оставался тем же испуганным мальчишкой, который боялся потерять её. Фотография с выпускного, та самая, где мы так «по-дружески» обнимались, висела на стене над моей кроватью в казарме. Каждый вечер, когда я валился с ног от усталости, я смотрел на неё, на её улыбку, на её веснушки, и в моих глазах, цвета морской волны и утреннего тумана, отражалась невыносимая тоска. Она была моим маяком, ведущим меня через бурные моря жизни, но сама она об этом не знала.

Мир Ани был совершенно иным. Я представлял его: лёгкие

балетные пачки, грация, музыка, бесконечные репетиции. Она, с её врождённым чувством ритма и пластикой, должна была сиять там. Она поступила в престижное хореографическое училище, её давняя мечта – стать не просто танцовщицей, а учить детей, передавать им свою любовь к движению. Изредка она присылала мне короткие сообщения: «Кай, это так тяжело, но я так счастлива!», «Сегодня разучили новую постановку, ужасно устала, но это того стоило», «Моя преподавательница просто чудо!» Её слова, полные энтузиазма и искренней радости, лишь подчёркивали пропасть между нашими жизнями.

Наши контакты становились всё реже. Поначалу мы перезванивались почти каждый вечер, рассказывая друг другу о прошедшем дне, о новых знакомых. Мои рассказы были скупыми, полными усталости и одинаковых будней. Её – яркими, эмоциональными, наполненными новыми именами, новыми переживаниями. Я цеплялся за каждое её слово, пытаясь уловить хоть намёк на что-то большее, но тщетно. Она говорила со мной, как с самым близким другом, делаясь всем без утайки. В том числе и своими новыми симпатиями.

«Кай, представляешь, у нас есть один парень на курсе... Он такой талантливый! И такой... элегантный. Мы часто танцуем в паре», – однажды сказала она по телефону, и я почувствовал, как сердце сжимается в болезненный комок. «О, правда? И как его зовут?» – выдавил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более равнодушно.

«Максим. Он высокий, темноволосый, и у него такие сильные руки... И он так хорошо поддерживает!» – её голос звенел от восторга, и я ясно представил этого Максима. Высокий, темноволосый, сильные руки... Как Игорь. Как все те, кто был моей полной противоположностью, но при этом так легко завоевывал её внимание.

«Здорово, Ань. Это же прекрасно, что тебе нравится учиться», – я пытался перевести разговор, но боль была слишком сильной. Она даже не улавливала намёка на моё страдание. Для неё это было просто дружеское общение, обмен новостями.

Моим единственным спасением, моим личным психологом, оставалась Даша. Мы созванивались чаще, чем я с Аней. Она была в другом городе, училась на филолога, и её жизнь тоже кипела, но она всегда находила время для моих нескончаемых исповедей. Её каштановые волосы, наверное, были бы уже седыми от моих жалоб, если бы это было возможно.

«Ну что, как там твой флотский принц?» – иногда начинала она, и в её голосе сквозила лёгкая ирония, которая тут же сменялась сочувствием.

Я вываливал на неё все свои переживания: про Максима, про редкие сообщения Ани, про то, как я скучаю, как боюсь, что она забудет меня.

«Кай, ну сколько можно? Ты себя живьём закапываешь! – однажды взорвалась Даша. Её обычно весёлый характер

сменился на грустный и уставший. – Ты же сам выбрал быть „лучшим другом“. Чего ты теперь ждёшь? Чуда? Она живёт своей жизнью! Ты должен жить своей!»

«Я не могу, Даш. Я не могу», – отвечал я, чувствуя себя беспомощным. – «Я пытался. Правда. Но когда я вижу её имя на экране или вспоминаю её смех... всё остальное меркнет. Я просто не умею без неё».

Даша тяжело вздыхала. «Знаешь, иногда мне кажется, что ты боишься не её потерять, а потерять свою любовь к ней. Потому что эта любовь – это, по сути, всё, что ты имеешь».

Её слова били точно в цель. Возможно, она была права. Моя любовь к Ане стала частью меня, определяющей, кто я такой. Она была моим якорем, моей болью, моей мотивацией.

Первый семестр тянулся бесконечно. Я научился разбирать двигатель, вязать морские узлы, ориентироваться по звёздам. Но самым трудным было ориентироваться в своих чувствах. Каждый день я ждал весточки от Ани. Если она отвечала сразу – был на седьмом небе. Если проходили часы или даже дни – я места себе не находил, придумывая сотни причин для её молчания, от самых невинных до самых страшных.

Во время одного из кратких увольнений на выходные, я решил рискнуть и поехать к ней в город. Мы договорились встретиться в парке. Я купил её любимое мороженое, при-

готовил кучу историй о своей курсантской жизни. Я ждал её на нашей старой скамейке, сердце стучало как сумасшедшее. Наконец, я увидел её. Она шла по аллее, такая же лёгкая и воздушная, с её светлыми волосами, которые теперь доходили почти до пояса, и веснушками, как всегда сияющими на солнце. Но рядом с ней шёл... Максим. Высокий, темноволосый, со спортивной осанкой. Он что-то шепнул ей на ухо, и она звонко рассмеялась, слегка прижавшись к нему.

Я замер. Они приближались, не видя меня. Я чувствовал себя невидимым, ненужным. Словно я был призраком из её прошлого. В тот момент я понял: это не «просто друзья» в моём понимании. Это её жизнь, в которой я – просто знакомый из прошлого, который иногда звонит.

Когда они поравнялись со скамейкой, Аня наконец заметила меня. Её глаза расширились от удивления, потом она улыбнулась своей ослепительной, искренней улыбкой.

«Кай! Ты здесь! Я и забыла, что ты приедешь сегодня!» – воскликнула она, отстраняясь от Максима.

Мороженое в моих руках начало таять. «Привет, Ань. Я... я ждал».

Она тут же извинилась, объяснила, что «совсем замоталась» и «Максим просто решил проводить её до парка». Максим улыбнулся мне своей обаятельной улыбкой, кивнул, словно я был просто ещё одним из её многочисленных знакомых. Мы провели вместе не больше часа. Аня постоянно отвлекалась на телефон, отвечала на сообщения, а Максим,

хотя и не был навязчивым, постоянно маячил на горизонте её мыслей.

В ту ночь я вернулся в училище опустошённым. Морозное я так и не съел, оно превратилось в липкое пятно на ладони. Эта встреча была жестоким уроком. Я видел, как она счастлива. Но это счастье было вне меня. Оно не было связано со мной. Моя «тюрьма дружбы» оказалась не просто тюрьмой, а одиночной камерой. Я был рядом, но бесконечно далеко. И эта пропасть, казалось, будет только расти, разводя нас всё дальше и дальше, пока мы не станем лишь смутными воспоминаниями друг для друга. А я всё равно буду смотреть на её фотографию на стене, и мои зеленова-то-серые глаза будут по-прежнему хранить эту невысказанную, безнадежную любовь.

Часть II: Эхо ее присутствия

Глава 6: Эхо Пустоты и Призраки Прошлого

«В эхе пустоты, что осталась после всего, что было, слышались лишь шепот и тени – призраки прошлого, танцующие на руинах некогда полного мира.»

Тот день в парке, когда я увидел Аню с Максимом, стал окончательной точкой невозврата. Мороженое, растаявшее в моей руке, было метафорой моей растаявшей надежды. Я вернулся в училище, словно после побоища, хотя на мне не было ни царапины. Внутри же всё кровоточило. Я был не просто отвергнут; я был невидим, настолько невидим, что она даже не заметила моей боли, моего присутствия в её жизни за пределами удобной рамки «лучшего друга». Моя мечта стать тем, кто будет для неё идеалом – метр восемьдесят роста, широкие плечи, зеленовато-серые глаза, полные решимости и некой брутальности – всё это казалось бессмысленным. Для неё я был просто Кай, друг детства, на которого можно положиться, но не тот, о ком её сердце билось быстрее.

Следующие годы обучения в мореходном училище стали для меня аскезой. Я погрузился в учёбу и тренировки с почти маниакальной одержимостью. Каждый подъём в шесть утра по пронзительному сигналу горна, каждая пробежка

по плацу, каждый час, проведённый над картами и логиями, были способом заглушить внутреннюю боль. Я хотел быть сильнее, выносливее, способнее. Не только для себя, не только для будущей карьеры, но и для неё. В моей больной голове жила идея, что если я стану безупречным – физически, профессионально, морально – то однажды она оглянётся и увидит. Увидит не просто Кая-друга, а Кая-мужчину, сильного и надёжного, того, кто всегда был рядом.

Дни в училище сливались в череду однообразных, но изнуряющих событий. Мы изучали устройство судов, проходили практику на учебных ихунах, учились управлять штурвалом в шторм и ориентироваться по звёздам, когда отказывала вся аппаратура. Солёный ветер трепал волосы, волны били в борт, а я стоял на палубе, глядя в горизонт, и думал о ней. О её светлых волосах, развевающихся на ветру, о её веснушках, которые, казалось, впитали в себя всё летнее солнце. Фотография, распечатанная и приклеенная скотчем к металлической стене над моей койкой, стала моим алтарем. Каждый вечер, когда свет гас, я смотрел на неё, на нашу «дружескую» улыбку, и мои зеленовато-серые глаза наполнялись тоской. Я касался пальцами её изображения, представляя, что прикасаюсь к ней самой. Это было мазохистски, но это было всё, что у меня было.

Моё тело закалялось, становилось жилистым и сильным, но душа оставалась измученной. Я стал более молчаливым, отстранённым. Мои сокурсники, заметив мою за-

крытость, не лезли с расспросами. Они знали меня как надёжного товарища в деле, но не как того, с кем можно поделиться самым сокровенным. Единственным человеком, кто всё ещё мог пробиться сквозь мою броню, была Даша. Наши телефонные разговоры, которые теперь часто происходили поздно ночью, когда я мог уединиться, стали моей отдушиной.

«Ну что, будущий капитан дальнего плавания? Всё ещё бороздишь моря страданий?» – её голос, даже по телефону, был полон той живой, переменчивой энергии. Капитановы волосы, которые я представлял, как она поправляет, слушая меня, всегда казались символом её непредсказуемого, но такого верного характера.

Я рассказывал ей о тренировках, о жёстких преподавателях, о том, как научился управляться с парусами, но самое главное – о своих мыслях об Ане. Каждое её редкое сообщение, каждый «лайк» в социальных сетях становились для меня событием. Аня жила своей жизнью, насыщенной и полной. Её посты в социальных сетях пестрели фотографиями из танцевальных залов, со сцены, с новыми друзьями, часто с Максимом, который теперь был её постоянным партнером, как в танцах, так и в жизни, судя по всему.

«Даш, она... она такая счастливая. Я вижу это. С ним», – мой голос срывался на шепот.

Даша слушала, и я чувствовал, как меняется её настроение. Её весёлый тон сменялся на задумчивый, а потом

и на грустный. «Кай, ты это видел? Ты видел, как она выглядит? Или ты продолжаешь смотреть на фотографию четырёхлетней давности?»

«Даш, ну что ты такое говоришь...»

«То, что вижу! – прерывала она меня. – Ты живешь прошлым! А она движется вперед. Она танцует! Она, Кай, живёт! А ты – застрял в своей чёртовой любви!»

Её слова были резкими, но я знал, что она говорит это из заботы.

«И что мне делать? Забыть её? Я не могу! Ты же знаешь, я пытался. Дважды. И что из этого вышло? Разбить камень и получить отказ в Новый год, потому что она любит другого? Это не для меня, Даш. Мне проще быть рядом так, пусть и больно».

Даша тяжело вздыхала. «Ты думаешь, ей это нужно? Твоя больная, тихая любовь? Ей нужен друг, Кай. Просто друг. А ты превратился в тень. Твоя брутальность, твои мышцы – это всё просто ширма, чтобы спрятать несчастного мальчика, который боится сказать, что любит. А ещё больше боится, что его отвергнут по-настоящему».

Её слова били точно в цель, словно ледяные осколки. Я знал, что она права, но принять это было невозможно.

В период курсантской жизни были короткие отпуска. Каждый раз я летел домой с одной мыслью – увидеть Аню. Наши встречи были редкими, короткими и всегда оставляли после себя горький привкус. Она всегда была рада ме-

ня видеть, обнимала крепко, её объятия были искренними, но лишёнными того тепла, на которое я так надеялся. Она рассказывала о своих успехах в училище: о том, как освоила сложнейшие пируэты, о подготовке к конкурсам, о своей новой мечте – открыть собственную студию, учить детей. Она буквально светилась от счастья, когда говорила о танцах. Её глаза, полные искры, её легкие движения даже в обычной жизни – всё говорило о её страсти.

В один из таких отпусков, спустя два года после поступления, я узнал, что Максим и Аня живут вместе. Это было как удар под дых. Я услышал это случайно, от общих знакомых, а потом косвенно подтвердилось в разговоре с ней. Она упомянула «нашу квартиру», «Максим всегда забывает вынести мусор» – обычные, бытовые детали, которые для меня были равносильны атомному взрыву.

«А... вы... ну, вы серьёзно?» – я попытался проглотить ком в горле.

«Ой, Кай, ну что ты как старик! Мы просто решили, что так удобнее. А то постоянно ездить туда-сюда», – беспечно ответила она, словно речь шла о покупке новой мебели. Для неё это было логично, для меня – конец света.

В тот вечер я пошёл на берег моря, где швартовались учебные суда. Ветер хлестал по лицу, солёные брызги оседали на коже. Я смотрел на тёмные воды, чувствуя себя такой же потерянной лодкой в открытом океане. Все мои усилия, вся эта показная брутальность, вся моя дисципли-

на – всё это не имело никакого значения. Я был готов ради неё покорять моря, а она просто жила своей жизнью с другим. Моя любовь к ней не имела к ней никакого отношения. Она существовала лишь внутри меня, как раковая опухоль, пожирающая меня изнутри.

Попытки завязать отношения с другими девушками, которые, конечно, случались за эти годы, всегда терпели крах. В училище было несколько симпатичных курсанток, были и девушки на танцевальных вечерах, куда мы выбирались изредка. Я пытался, честно пытался, но ничего не получалось. Каждое свидание заканчивалось одним и тем же: я сравнивал её с Аней. И никто не выдерживал этого сравнения. Никто не обладал её смехом, её веснушками, её лёгкостью. Я был физически рядом с другими, но мои мысли всегда возвращались к ней. Я понимал, что это несправедливо по отношению к тем девушкам, и вскоре перестал даже пытаться. Моя душа была занята. Занята призраком неразделённой любви.

На третьем курсе мы начали проходить более длительные плавательные практики. Недели, а то и месяцы в море, в отрыве от интернета и постоянной связи. Это было и благословением, и проклятием. С одной стороны, не было возможности постоянно проверять телефон, видеть её новые фотографии с Максимом, читать её счастливые, но такие далёкие от меня сообщения. С другой – эти периоды тишины сводили меня с ума. Я представлял, что про-

исходит на берегу, как она танцует, как смеётся, как она живёт.

Однажды, когда мы возвращались из длительного похода, я увидел в порту знакомый силуэт. Это была Аня. Она приехала встречать меня. Моё сердце забилося с бешеной скоростью, словно молот. Я спустился по трапу, и она бросилась мне навстречу, обнимая так крепко, что, казалось, я снова мог дышать.

«Кай! Я так соскучилась! Ты так изменился! Стал ещё больше, ещё... сильнее!» – её глаза сияли, и в них была настоящая, искренняя радость.

Я чувствовал её тепло, её запах, и на мгновение мир вокруг меня исчез. Вот она. Рядом. Моя Аня.

«Я тоже скучал, Ань», – прохрипел я, обнимая её в ответ, стараясь не выдать, как сильно дрожат мои руки.

Мы пошли по набережной, болтая о том о сём. Она рассказывала о своих успехах в училище, о том, что скоро у них большой отчётный концерт, где она будет танцевать главную партию. Она была воодушевлена и полна планов. Я слушал её, пытаясь насладиться каждым мгновением её присутствия.

А потом она сказала: «Кай, ты знаешь, Максим сделал мне предложение!»

Мир, который только что расцвёл, снова рухнул. В голове зазвенело. Я остановился, словно меня ударило током. Воздух стал плотным, тяжёлым, обжигающим. Я чувствовал,

как мои зеленые глаза, с оттенком серого, стекленеют. Я не мог дышать.

«Предложение?» – мой голос звучал чужим, хриплым.

Она не заметила. Она сияла. «Да! Представляешь! Это было так неожиданно, так романтично! Он встал на одно колено, подарил кольцо... Я так счастлива, Кай!»

Она обняла меня снова, её радость была такой всепоглощающей, такой искренней, что мне не оставалось ничего, кроме как разделить её. Или притвориться, что разделяю. Моё сердце не просто разбилось – оно рассыпалось на миллионы мельчайших осколков, которые впивались в каждую клеточку моего тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.